

Николай Кожевников

Мемуары гидростроителя

Воспоминания о детстве, юности, учебе,
работе в тресте «Гидромеханизация»
Минэнерго (1928—2017 гг.)

Николай Кожевников

**Мемуары гидростроителя.
Воспоминания о детстве,
юности, учебе, работе
в тресте «Гидромеханизация»
Минэнерго (1928—2017 гг.)**

«Издательские решения»

Кожевников Н. Н.

Мемуары гидростроителя. Воспоминания о детстве, юности, учебе, работе в тресте «Гидромеханизация» Минэнерго (1928—2017 гг.) / Н. Н. Кожевников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837870-6

В книге приведены воспоминания о детстве и учебе на моей малой родине, в г. Данкове, и дальнейшей учебе в Московском торфяном институте с переходом во вновь образованную в 1949 г. группу гидростроителей-гидромеханизаторов земляных работ, в связи с развернувшимся строительством крупных ГЭС. Далее подробно изложена работа в тресте «Гидромеханизация» Минэнерго и на стройках в СУ треста со всеми техническими достижениями и недочетами, с тесной увязкой с положением в стране и их оценкой.

ISBN 978-5-44-837870-6

© Кожевников Н. Н.
© Издательские решения

Содержание

О времени	6
Моя малая родина	8
Народный быт 1930-х годов: «Кулачки», «Посиделки», «Улица»	12
Организация колхозов, совхозов и голод	14
Сталинская Конституция и выборы в Верховный Совет	16
Организация дошкольного воспитания, начальная и средняя школа	17
Годы войны	20
Моя учеба в ВУЗе	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мемуары гидростроителя Воспоминания о детстве, юности, учебе, работе в тресте «Гидромеханизация» Минэнерго (1928—2017 гг.)

Николай Николаевич Кожевников

*Классические розы
В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!
Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи были розы
Воспоминаний о минувшем дне!
Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной брошенные в гроб!*
Игорь Северянин. 1925 год

© Николай Николаевич Кожевников, 2017

ISBN 978-5-4483-7870-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О времени

Скоро мне исполнится 89 лет. За свою продолжительную жизнь многое повидал, поездил по стране: бывал на севере, юге, западе и востоке СССР, в деревнях и городах.

Несколько раз я посетил Данию, где с 80-х годов постоянно проживает моя с старшая дочь Ирина. Работал в разных должностях – от мастера на студенческой практике строительства Цимлянской ГЭС до начальника крупного Московского строительного управления гидромеханизации, был членом КПСС и секретарем парторганизации треста «Гидромеханизация» Минэнерго СССР, встречался с интересными людьми.

Я хочу осветить некоторые события своей жизни и истории страны, в которой я жил в это время надежды на лучшее, и высказать по ним свое мнение, так как сегодня, да и ранее, история страны преподносится в зависимости от идеологии власти. Я не претендую на последовательное и точное изложение событий, поскольку многие факты являются для меня закрытыми. Я буду описывать только историю, основанную на собственной жизни простого человека, инженера, прожившего в одной стране, но с совершенно противоположным политическим и экономическим устройством: «развитым социализмом» и капитализмом. Человек всегда «ищет лучшее», как писал Максим Горький в пьесе «На дне».

Мне представляется, что я должен кратко сообщить читателю свой статус, тем более, что я могу судить об истории только по прожитой мною и моих близких жизни, и оно может быть субъективным. Но из капель воды слагается море, и, возможно, это изложение истории будет ближе к действительности.

Я родился в 1921 году в городе Козлове (ныне город Мичуринск) Тамбовской области. Отец мой, Кожевников Николай Андреевич (1894—1975 гг.), происходил из зажиточной семьи, дед мой – Андрей Иванович Кожевников, был гласным в Козловской городской Думе, управляющим небольшого банка «Общество взаимного кредита», благотворителем многих общественных организаций, известным в городе человеком.

Отец окончил Козловское коммерческое училище. Затем учился в Московском Коммерческом институте, окончив третий курс, ушел в 1918 г. в Красную Армию, служил при штабе Южного фронта и был награжден командующим фронтом М. И. Фрунзе именными часами.

Мама родилась тоже в г. Козлове в многочисленной семье сапожника. Окончила 4 класса церковно-приходской школы. С 9 лет, после смерти её мамы, пошла в «люди», служанкой в семью архитектора. По приходу в г. Козлов Красной Армии, поступила на краткосрочные курсы медсестер, и с 1919 г. по 1923 г. служила «сестрой милосердия» в госпитале Красной Армии в Белгороде.

В 1927 г. мой папа вступил в брак с моей мамой Домбровской Агрипиной Федотовной (1897—1981 гг.). После демобилизации папа работал служащим в Козлове, а в 1930 г. был переведен в г. Данков, ныне Липецкой области, где работал экономистом в Плановой комиссии Данковского Райисполкома, а затем заместителем Управляющего Данковского Госбанка.

Детство моё проходило счастливо. Летом проводил время, купаясь с товарищами на Дону. Восемью лет поступил в среднюю школу, которую с хорошим аттестатом окончил в 1946 году. В годы Войны во время летних каникул работал в совхозе помощником комбайнера, оплатили мою работу половиной мешка пшеницы, которая в те годы была обеспечением жизни.

В 1946 году поступил в Московский Торфяной Институт. В 1948 г. мой факультет перепрофилировали, стране были нужны инженеры гидромеханизаторы земляных работ для намыва плотин ГЭС на крупных реках всего Союза. В стране электроэнергии не хватало не только для села, но и города освещались керосиновыми лампами. Как написал Герберт Уэльс еще в 1920 г. «Россия во тьме».

Распределили меня сначала на практику на строительство Цимлянской ГЭС на реке Дон, а по окончании института в 1951 году на строительство Куйбышевской ГЭС на Волге. Все эти стройки выполнялись заключенными ГУЛАГА МВД СССР.

В Минэнерго СССР был организован в 1946 г. Всесоюзный трест «Гидромеханизация», куда я непосредственно был направлен и проработал в нем с 1951 г. и по выходу на пенсию в 1992 г. Работал на разных должностях от мастера до начальника Московского СУ и начальника лаборатории по новой технике. Участвовал в намыве земляных плотин ГЭС на реках Дон, Волга, Даугава, Неман, Печорской ГРЭС, Загорской ГАЭС, Каунасской ГАЭС, территории для застройки Санкт-Петербурга. Поэтому я имел возможность ознакомиться с жизнью людей во многих регионах и городах нашей необъятной страны.

Занимался изобретательской деятельностью, ряд изобретений нашли практическое применение, награжден знаком «Изобретатель СССР».

Хорошо был знаком и с партийным средним звеном, поскольку более 5 лет избирался секретарем партийной организации треста и был награжден Первомайским РК партии почетной грамотой. По выходу на пенсию занимался журналистской деятельностью, опубликовав более 50 статей по передаче технического опыта в журнале «Гидротехническое строительство», входил в состав редколлегии журнала.

Никакими советами и предсказаниями будущего России я заниматься не собираюсь. Так как: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить».

Моя малая родина

В моей памяти сохранились события с 1931—1932 годов, когда мне было около четырех лет. В это время я с родителями проживал в районном городе Данкове, ныне Липецкой обл. В Данкове я жил вместе с родителями постоянно до 1946 году, когда я уехал поступать в Москву в Торфяной Институт. И после, до смерти папы (1975 г.), я часто навещал родителей в Данкове. Для меня Данков является моей малой родиной, хотя родился я в городе Козлове, ныне Мичуринске, но своё детство и юность, а это самые счастливые годы для каждого человека, провел в этом городе.

Мне представляется, что историю своего края, своей малой родины, своей семьи, должен знать каждый гражданин, с этого начинается патриотизм и любовь к своему краю. Местную историю нужно преподавать в средней школе, как программный предмет. В СССР, по-моему, не включили местную историю в программу школы из политических соображений. Помните песню со словами: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Какой же этот патриот-кочевник, для которого нет родного дома?

Хорошо, что сегодня в Интернете появилась сайты истории Российских городов, в том числе сайт с историей города Данкова. Большое спасибо данковским создателям сайтов, «раскопавшим» историю города. Я использую эти сайты в своих воспоминаниях для описания Данкова, так как без привязки к месту многие события будут непонятны для читателя.

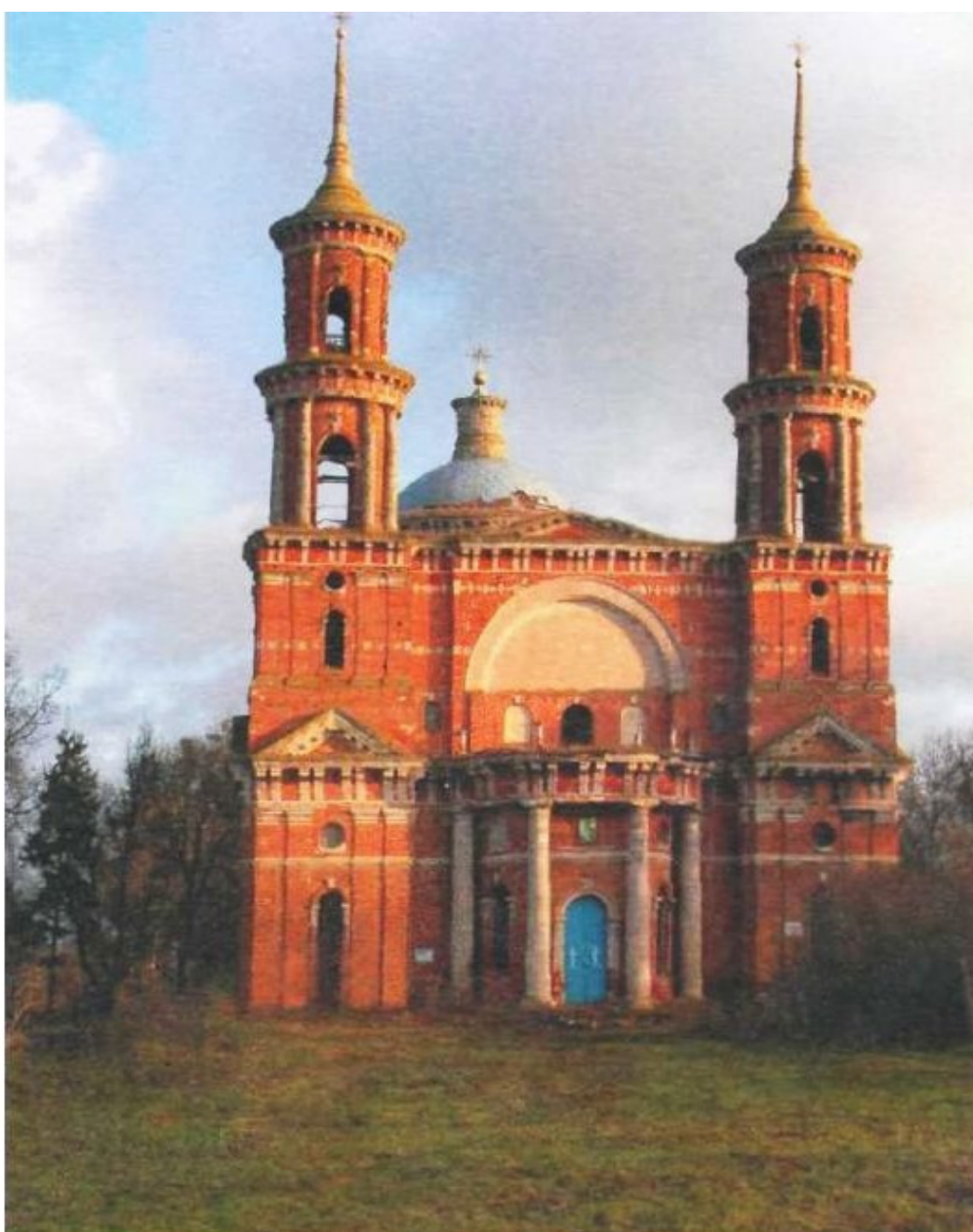
Река Дон у железнодорожного моста.

Старый город Данков расположен на высоком правом берегу реки Дон при слиянии с малой рекой Вязовня. Город старинный, основанный при Иване Грозном, входящим в южную цепочку крепостей для защиты от набегов татар. Город со всех сторон окружают слободы и села, каждая со своими церквями и кладбищами: Казаки, Стрельцы, Пушкари, Богословка, Сторожевая. Эти названия уже характеризуют первичное назначение Данкова.

При образовании уезда Рязанской губернии, Данков становится малым центром православия. В центре города возвышается большой двухэтажный Тихвинский Собор, основанный в 1861 году, с высокой колокольной-звонницей. При слиянии рек был образован мужской Покровский монастырь, построены Духовное училище, гимназия, больница, городской сад с кинотеатром, тюрьма, почта, телеграф, хорошая городская библиотека, собранная из фондов бывших купцов и дворян.

Тихвинский собор в центре г. Данкова. Снимок до революции 1917 г.

Храм в селе Баловнево Данковского уезда.

В городе были торговые ряды с обширной замощенной торговой площадью, где по воскресеньям организовывался привозной рынок сельхозпродуктов и живности, включая продажу коров, свиней и лошадей, которых было в уезде несколько тысяч. Весь транспорт и обработка земли основывалась на конном приводе. Ярмарки, проводимые обычно к осени, были огромны. Яблоки и овощи продавались без весов – ведрами и мерами (малое ведро).

За рекой Вязовней основано большое городское кладбище с высокой каменной оградой, чудесно красивой часовней с внутренней отделкой из мрамора, и мраморными надмогильными памятниками. По надписям на них золотом можно сделать вывод, что до 1917 г. в Данкове жили богатые купцы. Улицы и тротуары были замощены булыжником, а при каждом одноэтажном доме был большой фруктовый сад.

В центре возведено большое и красивое трехэтажное здание, после революции в нем разместился Райисполком, в другом аналогичном здании – Райком партии.

После постройки железной дороги Мичуринск – Смоленск в конце 18-го столетия создались благоприятные условия для торговли. Вблизи ж/д станции «Данков» построен большой современный элеватор зерна, обширные склады и пакгаузы для засолки огурцов, картофеле-тёрочный завод, выпускавший крахмал, патоку, спирт. Неподалеку от станции работал известковый карьер со щебеночным заводом. Продукция отгружалась по железной дороге. В городе был размещен завод для сушки фруктов, в основном яблок. При нем была построена электростанция с приводом от мотора с калильной головкой и огромным маховиком. Электростанция и фабрика сухофруктов были разорены в годы революции. В 1936 г. электростанцию восстановили и подали электроэнергию в некоторые дома и на уличное освещение.

В городе размещалась пожарная команда с конной тягой и высокой каланчёр с постоянным дежурным-наблюдателем. Пожары случались часто, особенно в слободах, так как застройка одноэтажных домов, крытых соломой, была плотной. При возгорании одного дома пламя быстро перебрасывалось на другой и выгорало несколько домов. В тушении пожара активно участвовало население, а в городе и пригороде были открыты пожарные пруды – водоемы.

На реке Дон построена водяная мельница с четырьмя большими деревянными колёсами нижнего розлива. Напор около 4 м создавался каменно-набросной плотиной с экраном из глины с навозом. После прохождения весеннего половодья плотину ремонтировали. На реке Вязовня была другая мельница с деревянной высокой плотиной с напором 8 м. На этой рекеручье выше по течению была еще одна мельница с плотиной, но я её не застал.

Город был красив, благоустроен и утопал в садах. Наши предки построили хороший, красивый, и как видно, зажиточный город. В Духовном училище получили первичное церковное образование известные в России священники: Хитров Дионисий – епископ, миссионер, служивший в Иркутской и Якутской епархии, Кучеров Иоанн из с. Бегильдино, священник – служивший в Алеутской и Якутской епархии, США и Царском Селе, убитый в 1917 г. и отнесенный к лику великомучеников. В Данкове проживали и работали известные врачи: Семёновский, Лебедев К. А. (лечивший меня), писатель Ряховский В. Д. из села Перехваль.

Мой папа с мамой и мною переехали в Данков из Козлова (ныне Мичуринска) в 1930 г. Папа работал до войны экономистом-плановиком в Райисполкоме. Сначала он снимал комнату в частном доме на окраине города, этот период я помню отрывочно, т.к. мне было 2 года.

Вскоре ему выделили квартиру из двухкомнат с кухней-прихожей в большом двухэтажном доме бывшего купца Смирнова (в советское время – ул. Урицкого, д.14), историю которого я не знаю, но судя по строениям и большому саду, он был из богатых купцов. Дом его был реквизирован, а судьба хозяина мне неизвестна, у соседей по квартире Козаковых, остались дореволюционные письма купца и хорошая библиотека.

Наши квартиры были смежными и сообщающиеся двери не запирались.

Я часто ходил к Марии Степановне Козаковой, она окончила гимназию, и у неё не было детей. Она часто общалась со мной, много рассказывала, знакомила с картинками из книг. В 1935 г. к ней приехала сестра Садомова с детьми: старшей Марией, моим ровесником Колей (старше меня на год), и старшим сыном Севой. С Колей я дружил. После приезда новой семьи контакты стали менее активными, а смежные двери стали закрывать.

В 1938 г. на низком левом берегу Дона, рядом с ж/д станцией, построили большой химический завод для производства натурального каучука из корней кок-сагыза, родственника одуванчика. Каучук был крайне необходим для шин авиации и ввозился из Гвинеи. Но после пуска в Воронеже завода синтетического каучука, завод перепрофилировали в химический по производству красок и лаков, а потом для производства ракетного топлива. Это было настолько важно, что для развития Химзавода был построен на левом берегу Дона новый квартал города для работников завода и жителей старого Данкова.

В 1970 г. мой уже престарелый папа, при моем содействии, получил однокомнатную квартиру в благоустроенной «Хрущевке» и переселился в новый Данков. Конечно, по своему архитектурному виду и расположению он был не сравним со старым городом.

Народный быт 1930-х годов: «Кулачки», «Посиделки», «Улица»

Память о данковских событиях у меня сохранилась четко с четырех лет, когда меня везли за руку, а зимой возили на высоких санках.

Первое, что сохранилось в моей памяти из старинного народного быта, это кулачные бои на масленицу (замена английского бокса). Происходили они на западной окраине на стыке слобод Казаки и Стрельцы. Дрались жители слобод на кулаках. Сначала в бой начинали мальчишки, а затем вступали взрослые. Правилom было драться только голыми кулаками, применение кастетов или зажатых в кулаке свинца или камня строго возбранялось. Нанесение травм тоже запрещалось и строго наказывалось. Кроме бойцов собиралась масса зрителей из всей округи.

Но с 1932 г. эти бои запрещались и разгонялись конной милицией, доставалось при этом и милиции. Аналогичные бои осенью происходили на льду р. Дон при его замерзании. Эта народная забава имела старинные корни (М. Ю. Лермонтов «Песнь о купце Калашникове»).

Данков не входил в «Область Войска Донского», но я помню, что на престольные церковные праздники старики из села, Казаки надевали казацкую форму: штаны с лампасами и белую рубаху, многие с Георгиевскими Крестами. Не знаю, имели ли эти старики казацкие привилегии при царе, но казацкую форму в 30-х годах на праздники они надевали. Вероятно, ношение формы, особенно Георгиевских крестов, преследовалось Советской властью.

Слободские бабы и девки на праздники надевали красочные русские наряды с кокошником и бусами. В воскресенье вечером в одном из домов села устраивались «посиделки» с песнями для старшего возраста. Для молодежи была, так называемая «улица», тоже с песнями и гармошкой. Эти самобытные мероприятия сохранялись до военных лет.

После 1945 г. они сами собой утратились, вместе с русской самобытностью и заменились просмотром кинофильмов в Доме культуры или танцами на открытой площадке в городском саду. До войны играл духовой оркестр, сформированный в основном из пожарных.

Как я писал выше, в Данкове и пригороде было множество церквей с большим Тихвинским Собором в центре. В 1932 г. я застал разоренные и закрытые храмы. От монастыря в устье р. Вязовни остался кирпичный лом, сам монастырь видимо, взорвали. Тихвинский собор был закрыт. Примерно в 1939 г. первый этаж собора был приспособлен в Дом Культуры, в нем показывали кинофильмы и ставили самодеятельные концерты. В районной библиотеке в читальном зале на столе лежали газеты и журналы, в том числе журнал «Безбожник».

Празднование Рождества Христова и установка елки в домах запрещалось. ГПУ (аналог ЧК или КГБ) брало на учет жителей, устанавливающих елки. Помню, что примерно в 1936 г., этот запрет сняли. Папа меня впервые водил в Детский дом (интернат) на Новогоднюю елку, мне там очень понравилось, елка была украшена горящими свечами, дети пели песни и танцевали. Я читал стихи Пушкина, мама мне сшила маску зайчика.

Дома мы тоже устанавливали елку на Рождество и Новый год. Вместе с папой мы клеили елочные игрушки из фольги и гирлянды из цветной бумаги, стеклянных игрушек было мало и в продажу они поступили позднее.

Уже на моей памяти, наверное, в 1934 г., на городском кладбище была разрушена часовня, неопишуемой красоты, памятники-надгробия данковских купцов, дворян и чиновников были исковерканы. В 1935 г. приступили к сносу пятиярусной колокольни Тихвинского Собора. Кладка стен настолько оказалась прочной, что не поддавалась разборки на отдельные кирпичи, получили строительный мусор. Одновременно разрушили ограду Собора и использовали её для ограждения возведенного сквера с бетонным памятником В. И. Ленину с трибуной.

Этим сквером никто не пользовался, а трибуну использовали для стояния местных «вождей» на Первомайской и Октябрьской демонстраций трудящихся, в основном школьников.

Одну из церквей у Казачьей слободы открыли в 1943 г. в период Войны, верующие с благодарностью И. В. Сталину молились за погибших сыновей.

Анализируя литературу, изданную в период возврата России к капитализму, я прихожу к выводу, что гонения на церковь и искоренение православия исходили не по инициативе Сталина. Начало гонений в 20-х годах были инициированы В. И. Лениным и Троцким, обосновывающих их реквизицией церковных ценностей для помощи голодающим. Но, безусловно, это был политический акт, который нарастал как снежный ком в 30-е годы. Если рассматривать факт гонения на церковь исторически, то, скорее всего это было крупной политической ошибкой – моментально искоренить веру в православной стране. Советская власть получила только скрытое недовольство населения.

Сейчас мы видим, что усилиями наших президентов происходит возрождение православия, которое становится, чуть ли не государственной религией. Но реставрация православия слабо завоёвывает умы молодежи и не поднимает упавшую нравственность молодого поколения, возврата к прошлому уже невозможно. Но крещение ребенка при рождении и отпевание в храме при похоронах привелось повсеместно.

Организация колхозов, совхозов и голод

В 1929 г. началась организация колхозов, я не застал начала коллективизации, поэтому прибегну к литературному источнику из Интернета (Рыбас, С. Сталин, «Судьба и стратегия»).

«В СССР к 1929 проживали округленно 154 млн. человек, из которых не менее 130 млн. составляли крестьяне. К 1932 большевики загнали в коллективные хозяйства, ставшие государственными предприятиями по принудительной обработке земли и производству сельскохозяйственной продукции, 61,5% крестьянских дворов, а к 1937 – 93%.

5 января 1930 ЦК ВКП (б) вынес постановление, согласно которому коллективизации подлежало «огромное большинство крестьянских хозяйств». 15 января решением Политбюро была образована спецкомиссия во главе с секретарем ЦК В. М. Молотовым, в которую вошли около тридцати представителей номенклатуры ВКП (б), советских учреждений и центрального аппарата ОГПУ. Комиссия Молотова разработала конкретные предложения по «ликвидации кулачества», сводившиеся к следующему:

1) Отмена действия закона об аренде и применении наемного труда – тем самым у «кулаков» ликвидировалась экономическая основа их хозяйства. Они больше не могли пользоваться собственным земельным наделом («аренда») и нанимать односельчан для его обработки («наемный труд»);

2) Насильственное изъятие собственности: орудий производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельхозпродукции (мельниц и пр.), продовольственных, фуражных и семенных запасов;

3) Все «кулацкое население» разбивалось на три категории. Отнесенные ОГПУ и местным совпартактивом к I категории («контрреволюционный актив») – этапировались в концлагеря или подлежали расстрелу; отнесенные ко II категории – депортировались в отдаленные местности СССР; отнесенные к III категории – выселялись за пределы колхоза, проводившего раскулачивание».

В 1932—1933 гг. я был очевидцем «раскулачивания» в слободах Казаки и Стрельцы. Семьи кулаков, с плачем и проклинаниями в адрес власти, органами ОГПУ и милиции принудительно сажались на подводы и увозились на ж/д станцию для этапирования. По существу никаких кулаков в настоящем понимании в данковских слободах не было. Но считалось, если у хозяина были две лошади или две коровы – он уже кулак и подлежал депортации. Дальнейшую их судьбу я не знаю. Но будучи в 80-х годах в восточной Сибири, я встречался с детьми бывших переселенцев (уже моего возраста), и они рассказывали, как на телеге их семьи около полугода добирались в район Хабаровска или Благовещенска, где не было «ни кола, ни двора», и как они поднимали колхоз «с нуля». Но поскольку их отцы и матери были настоящими тружениками, им удалось преодолеть все трудности. Но не все из них выжили.

В Данковском районе колхозы стали «на ноги» и стали платить натурой за трудодни примерно с 1935—1936 гг., когда, как сказал И. В. Сталин: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Но с началом войны и после в колхозах почти ничего не платили за трудодни, как выражались колхозники – работали за палочки в ведомости и выживали только личным приусадебным хозяйством. С послевоенных лет колхозы медленно «вымирали», а деревни обезлюдели, особенно с приходом Н. С. Хрущева, который разрешил колхозникам выдать паспорта для выезда из села. В основном для парней исход их деревни происходил через призыв в армию и устройства в промышленности после демобилизации. Сегодня, после капитализации России, этот процесс привел почти к полному вымиранию деревни и переходу на импортные продукты питания и почти полной экономической зависимости России от импорта продовольствия и товаров первой необходимости.

Принудительное изъятие зерна у единоличников и образованных колхозов привело в 1932 г. к голоду во всей стране, в том числе и на Украине. Установилась практика изымать весь урожай зерновых и вывозить его на государственный элеватор, в том числе и посевной фонд. Изымать урожай из колхозов было, конечно, проще, чем воевать с каждым единоличником.

Зерно шло на экспорт для закупки оборудования для строящейся индустрии.

В результате жесткой политики ускоренной индустриализации и коллективизации с/х, от голода погибло несколько миллионов человек, были случаи людоедства. В стране были введены карточки на хлеб и открыты так называемые «Торгсины», в которых продавались продукты на сдаваемое населением золото и серебро.

В моей памяти осталось посещение вместе с папой данковского «Торгсина». Папа сдал все имевшееся серебро и золото, в том числе ручку с тросточки, мой и свой нательные крестики, столовое серебро. Купил он несколько килограмм муки, я выпросил у него купить немного конфет. В этом разукрашенной витрине магазина было всё, от копченых колбас до муки, но только за серебро, золото или валюту для иностранцев.

В памяти у меня об этих годах остался другой эпизод. В Данкове невозможно было купить зерно или муку за советские деньги, которые в результате инфляции превратились в «фантики» для конфет. Папа собрал все деньги и поехал на Украину, где на черном рынке еще можно было купить муку. При возвращении на крыше вагона (билеты невозможно было приобрести), его ограбили и избили, отняв купленный им пуд муки. Но наша семья все же выжила.

Папа работал в Райисполкоме и получал небольшую зарплату, которой в обычные годы едва хватало на пропитание. Хуже было крестьянам, которые не получали ни зарплат, ни карточек. Никаких промтоваров в магазинах Данкова не было, в том числе текстиля. Мама шила и перешивала, перелицовывала (этот термин вошел в практику с 20-х годов) платья и пальто из старой одежды. Велосипед был недоступной роскошью, также как и патефон.

С той поры мама, как и наши соседи, стали обзаводиться домашней живностью – курами, выращивали свиней, коз, а впоследствии коров.

В Данкове образовали в начале 30-х годов машинотракторную станцию (МТС) с колесными тракторами «Фордзон-Путиловец», комбайнами «Коммунар», и училище механизаторов-трактористов и шоферов. Постепенно начался переход сельского хозяйства с лошади на трактор. Лошадь при царе была в гербе Данкова. Сегодня лошадь можно найти только в полку конной милиции Москвы.

Сталин, вероятно, был прав, проводя ускоренную индустриализацию, строив военный комплекс и модернизацию промышленности за счет средств «выкачиваемых» из деревни и сельского хозяйства. Страна была во враждебном капиталистическом окружении. Война была неизбежна, и Сталин создавал новую механизированную армию. Иначе мы не могли бы выиграть войну 1941—45 гг.

Но плата за эту победу была слишком высока.

Сегодня перестроенная капиталистическая Россия стоит снова перед вечной проблемой нехватки средств для поднятия жизненного уровня и модернизации промышленности и с/х. Но жертвовать своей жизнью ради светлого будущего уже никто не хочет. Исторически «наелись» досыта.

Сталинская Конституция и выборы в Верховный Совет

5 декабря 1936 г. была принята Сталинская Конституция, а в 1937 г. были проведены первые выборы в Верховный Совет СССР. День 5 декабря был объявлен всенародным праздником и выходным днем. Выборы были обставлены мощной агитацией и красочным оформлением с плакатами «Все на Выборы!». По нашему Рязанскому округу был один кандидат, как и полагалось по Конституции, начальник НКВД Рязанской обл. Вершинин С. Я.

Я, конечно, не понимал, что происходит, но выборы в Данкове происходили торжественно, с оркестром, буфетом. Явка была 100%, все боялись репрессий. Сталин впоследствии сказал: «Неважно как голосуют, важно как считают». Голосование считалось высоким принципом демократии. Голосование за блок коммунистов и беспартийных было действительно почти 100% из-за боязни репрессий.

Впоследствии, будучи секретарем парторганизации треста «Гидромеханизация» в Москве, я принимал непосредственное участие в подготовке выборов и обеспечении 100% явки населения на выборы. Могу подтвердить, что даже в 80-х годах выборы были аналогичны принципам 1937 г., почти при действительной явке на выборы около 99%. Но даже в конце 80-х годов райкомах партии составлялись списки не явившихся на выборы для принятия мер.

Что же можно сказать о выборах 1937г.? На выборы занимались очереди с 7—00 часов утра, а страх перед репрессиями обеспечивал 100% явку, и 100% отдачу голосов за единственного кандидата, назначенного вышестоящими партийными органами. Как выборы, так и работа Верховного Совета СССР, была не более чем профанацией демократии. На высшем уровне управление страной осуществлялось И. В. Сталиным при его жизни, а после его смерти Генсеком КПСС.

Если И. В. Сталин был действительно уникальным человеком, и зачастую его репрессии определялись безвыходностью обстоятельств, то его «сменщики», в основном продолжавшие его политику, не обладали большим умом и не блистали талантами и работоспособностью. Но как говорил наш малограмотный парторг – старый коммунист: «Что такое линия партии – это линия, по которой она идёт». Вот мы и дошли по этому пути до уровня бедной и разворванной страны, но с атомным и ракетным вооружением. Как выразился Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Организация дошкольного воспитания, начальная и средняя школа

С 1935 г. я ходил в детский сад, расположенный на ул. Урицкого, напротив нашей квар- тире. Я иногда во время гуляния в большом саду детского сада даже забегал домой. В дет- ском саду было несколько возрастных групп, включая дошкольную группу. Всего в саду было около 50 детей, в основном из города, и пригорода. Детский сад финансировало государство, для родителей пребывание детей в саду было бесплатным. К поступлению в 1-й класс (читать и писать) детей не готовили, обучение грамоте возлагалось на школу. Я освоил чтение довольно легко с 5-ти лет с помощью папы и мамы, а с 6 лет уже ходил в детскую библиотеку. О детском саде у меня сохранились хорошие воспоминания. Я помню до сих пор свою воспитательницу Сальникову, которая внимательно и с добротой относилась к детям.

Питание в саду было организовано хорошо: завтрак и обед готовился на местной кухне. Разносолов не было, но готовили чисто и вкусно. Для родителей из малообеспеченных семей сад был большим подспорьем.

А детям прививалось общение между собой, чувства товарищества и начатки культуры и быта в коллективе.

Нужно отметить, что советская власть уделяла большое внимание детям.

Школьное образование начиналось с обязательной бесплатной для всех детей, достиг- нувших 7-ми лет, начальной школы из 4-х классов, неполной средней школы – семилетки, и необязательной десятилетки. Небольшую годовую оплату с 8-го по 10-й классы ввели только в 1942 г., которую вскоре отменили.

В преподавании упор делался на естественные науки, русский язык и литературу, в выборе которой проявлялся коммунистический уклон. Стране, стоившую индустрию, нужны были грамотные рабочие и инженеры из технических ВУЗОВ. Ущербным было преподавание иностранных языков, преобладающим был немецкий. Это объяснялось отсутствием квалифи- цированных кадров и нежеланием учить иностранный язык самими учениками, ввиду закры- тости страны для выезда за рубеж, т.е. иностранный язык был «мертвым», как латынь в цар- ской гимназии.

С приходом перестройки на капитализм, который утвердился с 1992 г. с распадом СССР и образованием нового государства – Российской Федерация, изменяется и программа и содер- жание образования.

В средней школе ввели ЕГЭ, единый госэкзамен. Он включает письменные вопросы и ответы, нечто вроде закрытого кроссворда. ЕГЭ введен по всей России с целью уравнивания шансов поступления выпускников в высшую школу из города и села, поскольку уровень пре- подавания и оценки знаний в городе и селе различен. По результатам конкурса по ЕГЭ произ- водится прием абитуриентов в ВУЗы без вступительного экзамена, за исключением некоторых престижных ВУЗов.

Я считаю, что этим нововведением шансы выпускников города и деревни не будут урав- нены, а ответы в новом «кроссворде» ЕГЭ носят случайный характер и не может полностью оценить уровень знаний. Старая система, принятая в СССР, на мой взгляд, была более объек- тивной.

Как в школах, так и в Вузах, укоренилась и почти узаконена система взяточничества, которую можно объяснить монетизацией общества, падением морали и низкой зарплатой пре- подавателей. Одновременно снизился уровень знания самих преподавателей. В ВУЗах, НИИ и Академиях происходит эмиграция научных работников, которую называют «утечкой мозгов» из России. С этим Россия уже утратила свой приоритет в науке и культуре. В настоящее время

«модернизация» образования, а по существу переход к платному образованию, продолжается, и это может привести к катастрофическим последствиям в сфере науки и техники.

В 1936 г. меня приняли в 1-й класс Данковской начальной школы №2. Моей первой учительницей с 1 – го по 4-й класс была Анна Васильевна Протасова, очень хороший педагог с дореволюционным стажем. Я с благодарностью вспоминаю её по сей день. Она наряду с грамотой приучила нас к порядку и дисциплине.

Учеба далась мне легко, так как я умел до поступления в школу бегло читать. С письмом было хуже, пером №86 (с нажимом) «палочки» получались кривые, что меня очень расстраивало. С устным языком у меня были проблемы – я не сильно заикался. Мама возила меня в Воронеж, в клинике пытались почему-то лечили кварцевым светом. Этот недостаток, конечно, влиял на мою психику, я был порою стеснительным. Но на учебу и работу это не влияло.

По окончании 4-го класса меня перевели в неполную среднюю школу – «семилетку». В эту школу и мой класс влились ребята из пригородных сёл.

Ввиду недостаточного помещения занятия проводились в две смены. В вечернюю смену занимались при керосиновой лампе «Молния», но света от нее было недостаточно. Отопление было печное.

Учителя менялись в зависимости от предмета урока: русский язык и литература, математика, история, Конституция СССР, биология. Квалификация педагогов была довольно слабой, а требовательность пониженной. Учились мы можно сказать «спустя рукава». В этой школе я закончил 7-й класс и переведен в 8-й класс уже средней школы.

Количество учеников в классе резко сократилось, ученик из сел в основном ушли работать колхозы. Преподавание с 8-го класса было поставлено на высокий уровень, все учителя имели высшее образование.

Особенно требовательным к учащимся был Петр Петрович Матковский – бывший гвардейский офицер царской армии. Он преподавал литературу, но сверх программы обучал русскому языку, поскольку из «семилетки» мы вышли по существу неграмотными. На первом занятии он сказал: «Кто желает быть грамотным русским человеком должны безукоризненно выполнять уроки, писателей и поэтов я из вас не сделаю, но грамотными людьми вы будете. А если не будете следовать моим правилам – рекомендую сразу покинуть школу».

Методика уроков была действительно обременительной. К каждому уроку задавалось только одно правило русского языка, но его ученик должен усвоить строго наизусть. На устную проверку правила уходило не более 5 мин. Каждую неделю мы писали короткий диктант на одну страничку, за ошибки ставились «двойки», а на каждую ошибку в отдельной тетрадке задавалась работа над ошибками с не менее десяти примерами. Если диктант занимал одну страничку, то работа над ошибками занимала до 10 страниц. Кроме диктанта через неделю мы писали домашнее сочинение по литературе. Мне Петр Петрович обычно ставил две оценки: за содержание я получал «Пятёрку» и каждое мое сочинение он зачитывал вслух для примера, а за ошибки – ставил «двойку». К 10-му классу почти ученики писали грамотно.

Кроме официальной программы по литературе кратко ознакомил нас с Шекспиром и Мольером. Я с большой благодарностью вспоминаю Петра Петровича, научившему прекрасному русскому языку.

Как-то по приезду к родителям в Данков, я с удивлением узнал, что мои домашние сочинения ходят до сих пор по рукам учащихся для их списывания в школе.

Физику и математику преподавали в моем классе весьма квалифицированные педагоги, по математике я занимался дополнительно самостоятельно. Плохо было с иностранным языком – немецким, поскольку его преподавали только до 7-го класса. Поскольку страна была закрыта для выезда за рубеж, то, вероятно, считали, что он нам не нужен.

Десятый выпускной класс и экзамены на аттестат зрелости я закончил с хорошими оценками, можно было поступать в ВУЗ для продолжения образования и получения специальности для работы.

Годы войны

В конце 1-й Империалистической войны произошли социалистические революции в нескольких странах Европы и были предпосылки установления социализма в нескольких странах, но эти надежды не оправдались. Советский Союз с момента его образования остался в окружении агрессивных капиталистических стран, правительства которых ставили задачу ликвидировать социализм в СССР. Поэтому наше Правительство было вынуждено создавать военную промышленность и сильную Армию для обороны в предстоящей войне, даже в ущерб социальным статьям бюджета страны.

Мои школьные годы совпали с четырьмя войнами: с Финляндией (1939 – 1940 гг.), с Японией на оз. Хасан и в Монголии у реки Халхин-Гол (1938—1939 гг.), Великой Отечественной Войной (1941—1945 гг.) и войной с Японией (1945 г.).

В 1939 г. я учился еще в 3-м классе и мне было только 11 лет. В нашей квартире папа установил черную картонную тарелку – репродуктор «Рекорд», с проводной связью от районного радиоузла на соседней улице. Вечером 30 ноября я услышал сообщение Правительства, что Финляндия не выполнила предложенный СССР обмен территориями с тем, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда, который может подвергнуться нападению в случае войны, а финны спровоцировали нападение на нашу границу. Чтобы защитить Ленинград мы должны были вступить в войну с Финляндией. Военные действия по плану нашего Генштаба должны были закончиться нашей победой через 3 недели.

Военные сводки по радио не передавались, поэтому об этой войне страна почти ничего не знала.

Финскую армию называли белофиннами.

Граница Финляндии была хорошо укреплена так называемой линией Маннеергейма, состоявшую из бетонных укреплений с орудиями и пулеметами. В 1940 г. была издана книга, об этой войне, которую я прочитал. В советском издании в ней прославлялись наши героические бойцы и победы. Я, конечно, верил этому, хотя были сомнения в том, что война с маленькой Финляндией затянулась на полгода.

А уже позднее я узнал правду об этой позорной для нашей армии победе, в которой погибло более 150 тыс. наших бойцов и около 50 тыс. финнов (интернет). Сколько было раненых и обмороженных – не сказано и сегодня.

И. В. Сталин понял, что мы не так сильны, как думали и провел большую чистку в Армии, начиная с маршалов и генералов.

К войне страна конечно готовилась. На первом этаже моего дома в Данкове (ул. Урицкого, д. 14) располагалась организация ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). В магазинах продавались противогазы. Помню, как в Данков для показа завезли фанерный планер, который взлетал с поля с помощью резиновых веревок, растягиваемых вручную. Дети были в восторге. В старших классах ввели почетный значок по физической подготовке – ГТО (готов к труду и обороне). Этот значок считался почетным.

Мой сосед и старший товарищ по квартире Николай Шевляков после окончания 10-го класса поступил в Рязанское артиллерийское училище. По улицам города бодро с песнями и деревянными макетами винтовок на плече шагали допризывники. Когда мне исполнилось 15 лет, я и мои товарищи по школе в 1943 г. прошли медкомиссию на пригодность службы в Армии. Летом нас отправили в лагерь военной подготовки солдата на полтора месяца. Обучали военному регламенту: строю, рыли окопы, изучали оружие, стреляли из винтовок и револьверов. Служба в Армии для призывников в мирное время составляла 3 года. Командиры Армии были хорошо обеспечены материально, и их служба считалась почетной.

На экономике страны создание Армии конечно отразилось. В данковских магазинах промтоваров почти не было. Патефон и велосипед были предметами роскоши, но и их у нас в магазинах не было. С продуктами было полегче, в основном за счет частного рынка.

О заключенном с Германией пакта о ненападении, конечно, никто не знал. Но я видел на нашей железной дороге как на запад интенсивно идут товарные поезда с продовольствием под военной охраной.

О военных действиях на озере Хасан информация в прессе и по радио доводилась. А о действиях в Монголии ничего не передавали.

Летом 1941 г. я гостил вместе с мамой в Мичуринске у моих тетушек. 21 июня я был у тети Маруси и слушал радио. Помню, в 12 часов Председатель Правительства Вячеслав Михайлович Молотов выступил по радио с сообщением, что на нас без предупреждения напала фашистская Германия, с утра бомбили Киев, Минск, Одессу, Севастополь и другие города, а наземные механизированные части гитлеровцев пересекли западную границу на всем протяжении и вторгнулись на нашу территорию. Закончил он словами: «Враг будет разбит, победа будет за нами!».

Я пришел к тете Клаве и сказал, что началась война. Мама, услышав моё сообщение, сказала, что завтра мы немедленно едим домой в Данков и стала собирать вещи. Утром мы отправились на вокзал Мичуринска, взяли билеты на поезд и уехали. А с 24 июня, приехав на станцию Данков, мы увидели военные эшелоны Красной Армии, идущие на запад. На теплушках были плакаты – «Враг будет разбит, победа будет за нами!». Я видел это собственными глазами.

Такое оперативное выдвижение наших войск говорит о том, что нападение Германии не было для нашего Правительства неожиданностью, а нам впоследствии объясняли, что нападение было неожиданным и поэтому мы не были готовы к отражению. Этим и объясняли, почему части Вермахта оказались через 5 месяцев войны у стен Москвы.

События, связанные с ВОВ в Данкове летом и осенью 1941 г. развивались столь стремительно, что я не могу за давностью лет изложить их точно хронологически, тем более они развивались одновременно. Конечно, в первую очередь была объявлена мобилизация в Армию запасных годов.

А в октябре 1941 г. был призван в ряды народного ополчения мой папа, которому было 47 лет. Медкомиссии ополченцы не проходили, в ополчение забирали всех мужчин в возрасте до 50 – ти лет. Из города собрали примерно около сотни мужчин, построили их в гражданской осенней одежде, назначили старшим Степанова, отвели строем на ж/д станцию, разместили в вагоны «теплушки», подали паровоз и увезли в неизвестном направлении. Через месяц мама получила письмо – «треугольник», чтобы мы не беспокоились. Была введена цензура, письма вскрывались, место нахождения части и другие подробности вымарывались.

В феврале 1942 папа едва переступил порог дома в Данкове. Все его тело была покрыто фурункулами, и он еле двигался. Он рассказал, что их батальон строил оборонительные сооружения под Тихвином. Питание там было крайне скудным, одежда – призывная осенняя, гражданская, а наступила уже зима. Папа слег в постель и болел до лета. Выжил благодаря помощи московских врачей Ерышкановой и Кати (фамилию не помню), которые жили в нашей квартире, а служили в нашем госпитале, организованном в июле в районной больнице.

Моя мама работала в госпитале санитаркой, часто оставалась и на ночь. В 1942 г. госпиталь реорганизовали в санитарный поезд, маме предложили в нем работать, но она не могла оставить меня и больного папу. Этот санитарный поезд, с красными крестами на вагонах, немцы разбомбили в дороге, и наши врачи погибли. При отъезде врач Ерышканова подарила мне несколько томов А. С. Пушкина, взятые ей из своего дома в Москве при мобилизации. Её подарок я сохранил. Так что А. С. Пушкин воевал вместе с нами.

В июле 1941 г. по левому берегу Дона быстро возвели ДОТЫ и КЗОТЫ, а в октябре ана- логичные по правому берегу, вероятно, боялись обхода противника. В том же месяце близ ж \d станции сбили из стоявшего бронепоезда немецкий самолет Ю-88. Я с ребятами застал на земле сбитый самолет и 3-х мертвых растерзанных летчиков. Картина была неприятная.

В октябре в Данков прибыли военные мобилизованные сибярики. В гражданской одежде и с винтовками, но их на всех не хватало. Через несколько дней они выехали защищать Москву.

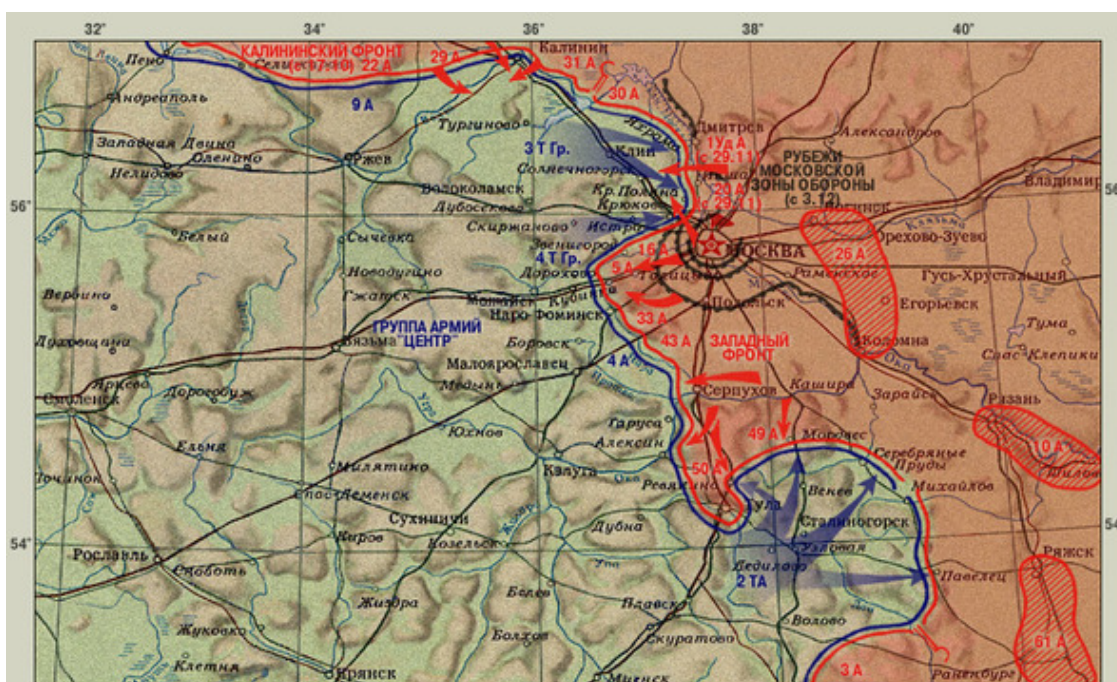
В городе в конце октября стали разбирать каменные заборы и возводить на улицах бар- рикады. Была объявлена эвакуация жителей. Мама сшила мне маленький нагрудный мешочек, положила в него единственную ценность – папины карманные часы. Они у меня сохранены и сегодня, и еще ходят при заводе ключиком.

В это же время пришла повестка о гибели моего старшего друга по квартире Николая Шевлякова. А в январе 1942 г. он приехал в Данков на пару дней. Сказал, что его отправляют в Москву для переброски к партизанам в Белоруссию. Вскоре пришла вторая повестка о нем как «без вести пропавшим». В современной книге Памяти он так и значится.

В эвакуацию мама со мной не поехала, хотя немцы подошли к Данкову, были слышны залпы орудий.

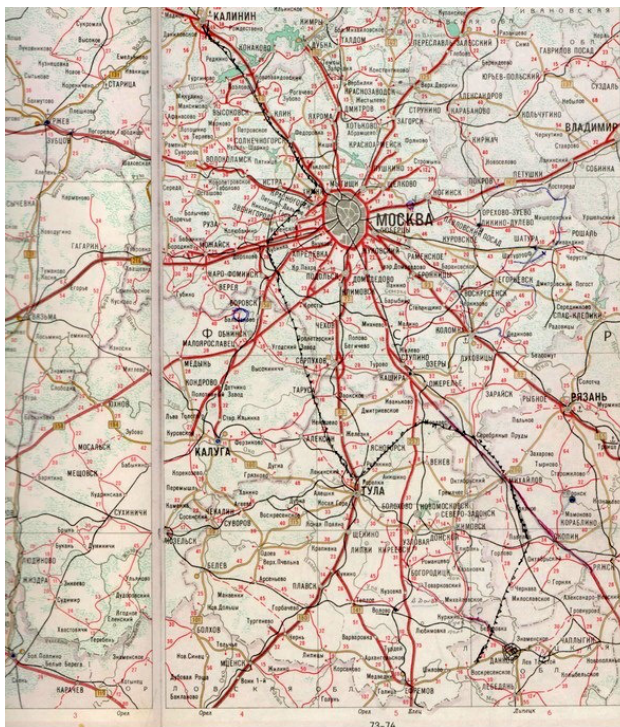
Немцы активно наступали на Москву и с западного направления подошли к его дачным окраинам. Очень одобрил нас парад наших войск 7 ноября 1941 г. и выступление И. В. Сталина по радио.

Положение фронта под Москвой на 01.11.41 показано на карте Интернета.

Положение фронта под Москвой на 01.11.1941 год

Пунктиром я перенес положение фронта с карты в большем масштабе, где показан Дан- ков. Положение, конечно, было угрожающим для Москвы. Правительство, кроме И. В. Ста- лина, было эвакуировано. Но наша оборона выстояла.

Положение фронта от Калязина до Данкова на 01.11.1941 год

5 декабря 1942 г. началось наше наступление, о чем я слышал дома по радио. Это была наша первая победа и первая радость.

В нашем доме на первом этаже разместили семьи эвакуированных, из Москвы семью Толкач с сыном Вовкой и Мариком, и семью из Смоленска с сыном Николаем, почти одногодком со мною. Я подружился с ними.

Летом 1941 г. все граждане Данкова, включая школьников, были мобилизованы на строительство военного аэродрома. На полную мощность был запущен Щебеночный завод, но его не хватало, и камень – известняк завозился непосредственно на территорию будущего аэродрома. Каменные глыбы вручную с помощью населения молотками раскалывали на щебень для устройства взлетной полосы. В течение 2-х недель аэродром мог принимать самолеты ПЕ-2. В Данкове разместили авиационный полк.

Вермахт в это время наступал на Сталинград, и полк авиации был крайне необходим. Бомбардировщики обычно совершали ночные вылеты. Летный состав прошел ускоренную подготовку, и полк нес большие потери при посадке самолетов, чем при вылетах на бомбежки противника. Хоронили летчиков на городском кладбище с воинскими почестями. Полк действовал до разгрома немцев в Сталинграде. Данков и аэродром немцы не бомбили.

Снабжение продуктами населения Данкова было весьма скудным, в 1942 г. была введена карточная система, но даже хлеб отпускался не регулярно. Выживали за счет картофеля с выделенных ранее земельных участков. Мама завела козочку, которая на второй год давала молоко. Я разводил кроликов, а в каникулы 9-го класса работал в совхозе «Данковский» помощником комбайнера. Ходить приходилось более 15 км в один конец, и я часто оставался ночевать в полевом стане. Зато на уборке пшеницы я заработал полмешка пшеницы, это была большая ценность.

Учеба в школе продолжалась и в годы войны. Ребятам в школе подкармливали – выдавали кусочек хлеба и чайную ложечку сахара. Летом мы выезжали в лес на заготовку дров для отопления школы. Первые месяцы начала учебы – сентябрь и часть октября школьники работали на уборке картофеля в колхозах, совхозах, так как мужчины и лошади были мобилизованы.

Так привыкали к военной жизни выживания. В больших городах России было еще труднее. Помню, какая радость у всех людей была 9 мая 1945 г., когда утром по радио Левитан объявил – «Мы победили!». Но эта победа далась нам ценой 20 миллионами человек убитыми и разорением страны. И наши грезы о построении социализма, в который мы верили, отодвинулись в будущее, нужно было поднимать страну.

Моя учеба в ВУЗе

В июле 1946 г. я получил аттестат зрелости с отличными оценками для поступления в ВУЗ и выехал в Москву. Остановился я в семье Левы Пурвера.

Он вместе с мамой был эвакуирован из Москвы в 1943 г. в Данков, где проживала его бабушка (по маме). Его мама была родом из Данкова, русская, очень отзывчивая женщина. Папа был еврей – профессор, заведующий кафедрой английского языка в Московском Институте Иностранных Языков, автор учебника английского языка для средней школы.

Лева учился со мной в 8-м и 9-м классах. Я с ним подружился, он был интеллигентным начитанным талантливым мальчиком, хорошо играл в шахматы. Когда он с мамой вернулся в Москву в 1945 г. мы с ним переписывались и даже играли в шахматы по переписке. В 1946 г. их семья приехала в Данков на летний отдых.

Лева рассказал мне о папе, который во время войны числился «пропавшим без вести». На самом деле он был призван в Армию в 1941 г., попал в плен к немцам в окружении дивизии под Харьковом. Выдал себя за англичанина и был отправлен в концлагерь для пленных в Италию. Освободили его американские войска. По окончании войны его передали Советскому Командованию, он прошел проверку органов, его вернули в Москву и разрешили работать, как и ранее в Инязе.

Моя мама договорилась, что я поеду в Москву вместе с семьёй Левы и при сдаче вступительных экзаменов я буду жить у них. В Москве у них была одна комната в многонаселенной квартире на улице Горького близ Белорусского вокзала. Спать меня определили под профессорским столом.

Прожил я у них около месяца до поступления в Московский Торфяной Институт на Покровке (Большой Вузовский переулок). Вот и говори после этого, что евреи плохие люди.

В этой семье складывалось все хорошо, но когда я приехал через месяц учиться, папы Левы уже не было. Его забрало КГБ и больше Лева его не видел.

Лева поступал в ИНЯЗ, но его провалили, поступил он на подготовительные курсы. В 1947 г. его все же приняли в ИНЯЗ («Институт Благородных девиц») на испанский факультет. По окончании его отправили на работу в сельскую школу учителем. По возвращению в Москву я был у него, и он посетил потом меня. Рассказал, что его никуда не берут на работу, как сына врага народа, перебивается частными переводами. Показал свои стихи, в том числе «Бригантину», которую, как он сказал, продал композитору. Стал пить, и кончил жизнь, прыгнув с балкона. Так, по словам И. В. Сталина: «У нас дети не отвечают за отцов».

Лева хорошо познакомил меня с центром Москвы и своими товарищами.

Один из них, Костя проживал в отдельной 3-х комнатной квартире в доме на Патриарших прудах, папа его, вероятно, был генералом. В этом же доме проживал маршал Жуков. Дом охранялся. Я впервые увидел, как живет военная элита. К Косте я ходил неоднократно играть в шахматы. Его мама была гостеприимна и поила меня чаем с пирожками.

Москва и метро, конечно, меня удивили.

В какой институт поступать я не знал, но твердо знал, что буду инженером. Проходя на почтайт по Кировской ул., чтобы отправить домой письмо, я увидел вывеску Московского Механического Института. Зайдя в приемную, увидел снимки ракет «Катюша», и сдал свои документы. Их благопрятно приняли.

Спустя несколько дней приехали мои товарищи по школе: Юра Степанищевский и Коля Макурин. Стали убеждать меня, что нужно поступать в один институт, время тяжелое, нужно держаться вместе. Я с трудом забрал документы из ММИ и подал их в МИИТ вместе с товарищами.

На экзамене по математике все провалились, хотя я знал математику отлично. Провалился я на арифметике на пропорциях.

После этого мы вместе подали заявления в Московский Торфяной Институт, который был организован по указанию В. И. Ленина, сначала как филиал Горного института. В стране не хватало топлива, и нужно было использовать местные ресурсы. Приемные экзамены все сдали отлично и мы стали студентами этого института.

Учеба в институте проходила в тяжелые и голодные послевоенные годы. Несмотря на посильную помощь родителей, в 1946 – 1947 гг. приходилось подрабатывать на разгрузке вагонов, строительстве и других работах.

Для студентов 1 курса институт снимал общежитие на подмосковных дачах по Курской железной дороге. В частности, меня вместе с Николаем Малининым и Юрой Степанищевским разместили в дачном доме посёлка Никольское, стоявшим рядом с церковью и кладбищем. Впоследствии Юра стал председателем горисполкома в Могилёве, а Николай профессором в МГУ.

В памяти остались эпизоды, когда в ночное зимнее время мы подрабатывали на рытье могил на церковном кладбище. Там мы осваивали разработку мерзлого грунта с помощью лома и кувалды... Иногда отрытые нами могилы оказывались коротки и мелки для захоронения гроба, за этот конфузный брак мы получали нагоняй от смотрителя кладбища и денежный начет. В целом работа оплачивалась не плохо, но копать ночью могилы зимними морозными ночами было тяжело и сначала даже страшновато и неприятно.

После отмены карточной системы в марте 1948 г. стало много легче. Со 2-го курса нас уже поселили в московском общежитии на Гольяновской улице в комнате 6-Б, в которой проживало из одной группы до 15 студентов, поэтому можно было заниматься только в институтской библиотеке. Старостой нашей группы технологов был Юрий Масляков, впоследствии ставшим управляющий трестом «Гидромеханизация».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.